

Обращение к Журналистам. Часть 2

На протяжении **четырёх лет** досудебного и судебного расследования ни следователь, ни прокурор, ни суд не удовлетворили, ни одного ходатайства защиты Кужагалиева А.У. о проведении независимой экспертизы нефтепродуктов с постановкой вопросов обвиняемого.

Более того, в основу обвинения положено заключение эксперта Института Судебной Экспертизы по Южно-Казахстанской области, недопустимость которого в качестве доказательства документально зафиксирована в материалах дела самими следователями.

Так в протоколе отбора проб от 8.12.2016 года указано, что образцы жидкости из вагонов отобраны в 12 стеклянных **банок** объемом по 0.5 литров. Всего отобрано 6 литров, то есть все емкости по 0.5 литров были заполнены.

Однако на фотографии, приложенной к заключению эксперта ИСЭ по ЮКО, мы видим, что эксперту образцы поступили в стеклянных **бутылках** емкостью 0.5 литров каждая, при этом бутылки были заполнены всего на одну треть или наполовину.

То, что путаница с образцами исключена, подтверждается материалами дела.

Так, в постановлении о назначении экспертизы поставлен вопрос: «**-Являются ли вещества в 12 стеклянных банках объемом по 0.5 литров, полученные в ходе отбора образцов с 4-х вагонов – цистерн №...**»

А в заключении эксперта в параграфе «**Экспертный осмотр**» указано: «**При вскрытии пакета обнаружены укупоренные пробками 12 (двенадцать) стеклянных бутылок емкостью 0.5 л....**»

Одного этого факта, свидетельствующего о подтасовке или манипуляциях с образцами, было бы достаточно независимому суду для признания этой экспертизы **недопустимой** в качестве доказательства. Однако, этого не происходит на протяжении 4 лет. Суды первой и второй инстанции в Актобе даже не вызвали в суд следователя и эксперта, чтобы они объяснили, как банки превратились в бутылки и куда исчезла большая часть их содержимого.

По законам РК процедура отбора образцов должна фиксироваться на фото и видеоматериалы. В концовке «**Протокола получения образцов для экспертизы**» от 8.12.2016 года есть запись: «**В ходе получения образцов производилась видеосъемка на цифровую камеру марки “BENQ”**».

Эта видеозапись могла бы ответить на многие вопросы, в случае, если невозможно вызвать в суд следователя КНБ. Но, согласно Рапорта подполковника КНБ: «**...выяснилось, что видеозапись на карте памяти отсутствует. В этой связи, по техническим причинам приобщить видеозапись к протоколу получения образцов от 08.12.2016 г не представляется возможным**».

Превращение банок в бутылки, исчезновение большей части содержимого емкостей и утере видеозаписи отбора образцов – это еще **не все странности этой экспертизы**, положенной в основу обвинения.

По постановлению Верховного Суда РК, эксперт из ИСЭ по ЮКО все-таки был допрошен в 2020 году в ходе суда в г. Алматы. Ее ответы, пояснившие, что для экспертизы потребовалось не более 4 часов, и было достаточно 5 мл образца, в совокупности с ее признанием о вынужденном общении со следствием в ходе экспертизы, позволяют сделать вывод, что свое заключение эксперт дал под давлением.

Следует признать, что другого заключения от эксперта следствие и не приняло бы. Еще **13 декабря 2016 года** актюбинский суд санкционировал арест белорусского бизнесмена на основании **утверждения следователя**, что в задержанных вагонах перевозится похищенная нефть. Заключение эксперта вышло **26 декабря 2016 года**, т.е. через 2 недели **после решения суда**. По логике и закону РК сначала должно было выйти заключение эксперта, только потом на его основе суд должен был **принять обоснованное процессуальное решение**.

Хотя от эксперта через 2 недели добились нужного заключения, сам текст экспертного заключения говорит о том, что эксперт писал его в состоянии сильнейшего стресса, надеясь, что независимый суд увидит нестыковки в его заключении.

Так, в первых строках заключения написано, что образцы поступили в институт **12 декабря 2016 года** и сопровождалась **Постановлением о назначении судебной экспертизы веществ и материалов от 17.12.2016**.

В постановлении актюбинского суда от **13.12.2016** года упоминается лишь о задержании 4 вагонов-цистерн «с нефтью в объеме **229.946 кг под видом смеси нефтепродуктов**», но нет и намек на назначение следствием экспертизы, тем более нет сведений о том, что образцы никак не могли быть **12.12.2016 года** в ИСЭ по ЮКО.

Где же тогда они были? Эксперт дает подсказку, дважды упомянув в своем заключении **Справку лабораторных испытаний пробы от 09.12.2016 года**. Эта справка выдана лабораторией ТОО «PetroKazakhstan Oil Products» (Шымкентский НПЗ – ПКОП). Это значит, что 9 декабря образцы заезжали и исследовались в ТОО «ПКОП», но почему то заключение лаборатории НПЗ не устроило следствие.

Хочу отметить принципиальность специалистов ТОО «ПКОП» - впоследствии, следователи дважды поручали им исследование содержимого задержанных цистерн, в апреле и мае 2017 года, и оба раза специалисты ПКОП фиксировали отсутствие фракций в диапазоне температур 180-240°С при наличии бензиновой и остаточной (мазутовой) фракций.

Нефти с отсутствием фракций в средней части в природе не существует.

Судя по тому, что 2/3 содержимого было израсходовано к 17.12.2016 года, что и зафиксировал на фото эксперт ИСЭ по ЮКО, следователи и образцы жидкости посетили не одну лабораторию, но нигде не смогли получить нужного заключения. Скорее всего, во время этих переездов несколько банок разбилось (они ведь стеклянные), и следователи были вынуждены перелить остатки в бутылки, распределив их более – менее равномерно на 12 емкостей.

Следователям не оставалось ничего другого, как добавить в образцы некоторое количество кумкольской нефти перед тем как их исследовал эксперт ИСЭ ЮКО. В результате, вместо полного отсутствия фракций эксперт ИСЭ по ЮКО зафиксировал всего лишь «провал» в средней части. В заключении эксперта записано:

«Анализом результатов проведенных исследований, установлено:

- представленные на исследование объекты 1.1-1.3, 2.1-2.3, 3.1-3.3, 4.1-4.3 характеризуются присутствием всех нефтяных фракций, при этом наблюдается два углеводородных максимума с высоким содержанием бензиновой и остаточной фракций.

Манипуляции следствия с образцами принципиально ничего не изменили – **нефти с двумя углеводородными максимумами в области бензиновой и остаточной фракций** в природе не существует.

Соответствующие ответы защитой Кужагалиева А.У. получены **от Российского университета нефти и газа им. Губкина, от Санкт-Петербургского государственного университета, от Тюменского индустриального университета.** Ведущие российские ученые отметили, что:

- упоминаний о подобной нефти в мировой литературе нет;
- данная жидкость является продуктом переработки нефти, т.е. результатом извлечения фракций в средней части нефти.

В условиях отсутствия исполнителей вменяемого преступления, или хотя бы одного свидетеля его совершения, заключение эксперта из ИСЭ по ЮКО - единственная «соломинка», которая может быть использована судом для осуждения подсудимых.

Надеюсь, что во время повторного разбирательства суд примет во внимание два последующих исследования содержимого задержанных вагонов, проведенных в лаборатории ПКООП, которые показали полное отсутствие фракций в диапазоне 180 °С-240°С; обратит внимание на превращение банок в бутылки и исчезновение видеозаписи отбора образцов.

В ситуации, когда казахстанский суд не может принять ответы российских ученых, прошу **Общественный суд** задать казахстанским специалистам следующие вопросы:

- Известна ли Вам нефть с двумя углеводородными максимумами в области бензиновой и остаточной фракций?
- Если такая нефть Вам известна, то назовите месторождение?

В целях объективного расследования прошу **общественный суд** задать эти вопросы трем категориям специалистов:

- а) ученым казахстанских Вузов, имеющих химические факультеты, **в том числе Назарбаев Университету, НТУ им Сатпаева, КБТУ и другим;**

б) главным геологам нефтедобывающих компаний, в том числе **ТШО, КазмунайГаз, Мангистаумунайгаз, Петроқзақстан, НСОС** и другие

в) главным технологом нефтеперерабатывающих заводов, в том числе **АНПЗ, ПКОП, ПНХЗ**.

Очень надеюсь, что казахстанские ученые и специалисты не останутся равнодушными к судьбе 12 детей, уже четыре года растущими сиротами при живых отцах.